

В.И. Коровин

«Погасло дневное светило...»

«Погасло дневное светило...» (август–сентябрь 1820; опубликовано в 1820) — стихотворение, открывающее новый, южный (романтический) период в творчестве Пушкина. По словам Пушкина (письмо к брату от 24 сентября 1820), написано ночью на корабле, плывшем из Феодосии в Гурзуф, то есть в ночь с 18 на 19 августа 1820. Однако этому противоречит дата, выставленная при первой публикации: «Черное море. 1820 г., сентябрь». Возможно, замысел возник в августе, но основная работа над стихотворением падает на сентябрь, после приезда в Кишинев, куда Пушкин прибыл, согласно свидетельству И. Липранди, 21 сентября 1820. Это подтверждается и датой письма к брату (24 сентября 1820). Причина несовпадения дат сознательная и чисто литературная: Пушкин создавал биографический миф, центром которого был образ поэта, сочиняющего ночью, на корабле, вдали от родины, элегию, знаменующую начало нового периода в его творчестве. Вопреки принятому мнению, Пушкин ориентировался не на Байрона, а на художественный опыт Батюшкова и хотел, чтобы читатели из близкого ему окружения соотнесли стихотворение с элегиями Батюшкова, в особенности с «Тенью друга» (в элегии «Погасло дневное светило...» использован поэтический язык, свойственный Батюшкову, и в других произведениях: «Таврида», «Пленный», «На развалинах замка в Швеции», «Привидение», «Последняя весна», «Разлука»), которая тоже была написана на корабле при возвращении из Англии в Россию. Подобно Батюшкову, сумевшему создать из традиционных эгегических мотивов «своеобразный лирический роман, со своими героями и своим сюжетом, со своим особым художественным языком», Пушкин намечает контуры мифа о драматической утаенной «северной любви» (О. Проскурин). Однако к концу 1820 увлечение Байроном стало всеобщим, и современники восприняли элегию Пушкина в этом ключе. Пушкин пошел навстречу читательским запросам. Он намеревался предпослать элегии в сборнике стихотворений 1826 г. эпиграф: «Good night my native land. Вугон» («Прощай, родная земля. Байрон»), но затем снабдил пометой в оглавлении: «Подражание Байрону». Иначе говоря, он опять-таки сознательно соотнес элегию с байроновской биографической легендой, на фоне которой его новая литературно-бытовая маска окрасилась в «цвет» байронизма. Но эта позднейшая смена биографической и литературной легенды не отменяет того факта, что элегия первоначально создавалась на художественном языке «школы гармонической точности», одним из поэтических вождей которой был Батюшков.

Романтическое настроение, возникшее у Пушкина, предопределено особым осмыслением биографических обстоятельств, получающих обобщенную трактовку. В элегиях Пушкина возникает биографически конкретный образ изгнанника поневоле, рядом с которым появляется условно-романтический образ изгнанника добровольного. Мотив «бегства» из «отеческих краев» представляет собой своеобразный протест против изгнания добровольного. Он следует в этом отношении за романтическим духом либеральных идей века: сила нравственного чувства противостоит обстоятельствам и хотя бы в личном сознании побеждает окружающую его суровую действительность.

В центре элегии — личность самого автора, вступающего в новую пору жизни. Главный мотив — возрождение души, жаждущей внешней и внутренней свободы, нравственного очищения. Стихотворение подводит итог внутренней жизни поэта в Петербурге, в «отеческих краях» и осмысливает ее как несвободную и нравственно неудовлетворительную. Отсюда возникает контраст между прежним существованием и ожиданием полной свободы, сопоставляемой с грозной стихией океана. Личность поэта помещена между «берегом отдаленным» и «брегами печальными». Душа поэта устремляется

к стихийной жизни природы. Ей свойственно то активное начало своенравных и грозных порывов, которые олицетворены в образе могучего океана. Рефреном проходят строки:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Сопровождая лирическое чувство, этот лейтмотив проясняет противоречивость душевного состояния, создает перспективу неограниченных желаний личности. Природа рисуется не только необычной, что характерно для романтической лирики южной ссылки, но и внутренне противоречивой. Она заключает в себе представление о мощи стихии и ее произволе («По грозной прихоти обманчивых морей», «угрюмый океан»). Главное в пушкинском изображении не реальная живописная картина, а выражение стихийного движения, активности, безграничной свободы. Отсюда преобладание эмоционально-оценочных эпитетов, глагольной экспрессии («Шуми, шуми...», «Волнуйся...», «Лети... неси...»), поддержанной повторами.

Активность души направлена у Пушкина прежде всего на внутренний мир. Пушкинский герой жаждет полноты бытия. Он не отвергает внешний мир, который обогащает его «впечатлениями» и способствует нравственному просветлению.

Элегия Пушкина переключается и в своем стихе, и в «музыкальном» оформлении, и в композиции с поэзией «школы гармонической точности». Здесь и привычные перифразы и формулы («Погасло дневное светило...», «Желаний и надежд томительный обман...», «Где музы нежные мне тайно улыбались», «Где рано в бурях отцвела / Моя потерянная младость...», «хладное страданье»), и выдвигание на первый план эмоционального ореола слова, а не его предметного значения, и повторы, «музыкально» организующие речь.

Для композиции стихотворения характерна инверсия. Последовательность речи нарушена хотя бы тем, что о возрождении души говорится в начале элегии, а о «бегстве» — в конце. Прямой порядок требует иного хода переживаний. Но такой принцип строения поддерживает мысль о переломе судьбы. Безграничная перспектива открывается заключительными стихами, дважды до этого повторенными в элегии. Фон природной картины тоже несет известную содержательную функцию: от «сумерек» души к яркому свету («Погасло дневное светило...» — «Земли полуденной волшебные края...») через грозную и неведомую стихию («Волнуйся подо мной, угрюмый океан...»). Однако вся картина не превращается в аллегорическую: предметные образы не теряют самостоятельности, а лишь сопровождают переживание. Пушкин точно описывает психологическое состояние: обновление души еще не наступило, а потому мотив возрождения отодвинут и дан не как действительность, а как возможность.

Значение элегии «Погасло дневное светило...» для романтизма Пушкина трудно переоценить. В ней впервые возникает лирический характер современника, данный посредством самонаблюдения, самопознания. Этот характер обрисован в эмоциональном ключе. Поверх реальных биографических фактов Пушкин строит условно-романтическую духовную биографию, одновременно и совпадающую, и не совпадающую с реальной. Субъектом лирического произведения оказывается автор и не автор. Эта двойственность носителя переживания находит поддержку в романтическом двоемирии. Драматизм стихотворения заключен в нравственной коллизии и перенесен в психологический план. Разочарование сливается с самоосуждением, которое не замыкается на личности. Оно соединено с протестом (разрыв с обществом) и вольнолюбивыми надеждами. Разочарование не приобретает всеобщего характера. Идеалом личности остается жажда полноты жизни, которая выступает безусловной ценностью. Отсюда проистекает пафос активности души, устремленной к постижению внутренней и внешней свободы как условий для торжества чувств. Приобщение к стихии жизни, питающей душу новыми впечатлениями, непосредственно подготавливает ее обновление.

«Внутренний человек» предстает в разнообразии противоречивых страстей, чувств и дум, которые выливаются свободно, в форме саморазвития, самодвижения чувств. Внешние факты объясняются внутренними порывами души. Так возникает поверх реальных обстоятельств конкретный психологический анализ, данный в форме элегического воспоминания. Предметные образы служат музыкальным аккомпанементом противоречивым страстям, символизируя свободу и самоценность внутренней жизни. Параллелизм волнуемой природы и переживаний, типичный для романтической поэтики, подчинен не задаче предметного изображения, а выявлению свободы внутреннего мира героя и глубины его души. Внешнее не способно удовлетворить внутреннюю жизнь, оно может лишь намекнуть, оттенить глубину духа, безграничную его свободу и те препятствия, которые ожидают героя. Тем самым в шуме ветрила и волнении океана заложено звучание души, внимающей самой себе. Понятно поэтому, что отпадение личности от прежнего уклада приобретает свободный и независимый от внешних условий ход и выступает произвольным, мотивированным саморазвитием души, жаждущей нравственного очищения. Отсюда возникает характерная монологичность, поддержанная, с одной стороны, развитым лиризмом, а с другой — музыкальностью. Монолог обращен к себе, душа беседует сама с собой, удовлетворяясь этим общением и разворачивая неумолимо деятельные свои глубины. Элегическая тональность стихотворной речи контрастна грозной музыке океана, и это соотнесение разных звучаний обнаруживает таящуюся в душе бездонную глубину.